

Ирина Николаевна МОЧАЛОВА / Irina MOCHALOVA

| Сократ как феномен русской культуры: от древнегреческого нравоучителя к «русскому Сократу» / Socrates as a Phenomenon of Russian Culture: from the Ancient Greek Morality Teacher to the "Russian Socrates" |**Ирина Николаевна МОЧАЛОВА / Irina MOCHALOVA***Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
Институт философии, Кафедра истории философии
Кандидат философских наук, доцент**Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
Institute of Philosophy, Department of History of Philosophy
Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
Mochalova@yandex.ru***СОКРАТ КАК ФЕНОМЕН РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ:
ОТ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ПРАВОУЧИТЕЛЯ К «РУССКОМУ СОКРАТУ»***

Сократу принадлежит особое место в духовной истории человечества: имя этого древнегреческого мыслителя служило и служит индикатором духовного состояния общества. Однако русскую сократиану еще предстоит исследовать и осмыслить. В фокусе статьи одна из начальных ее страниц, период второй половины XVIII – первой трети XIX в. В статье рассматриваются первые пособия по истории философии на русском языке. В частности, анализируются и сопоставляются сокращенный перевод истории философии Я. Брукера, выполненный Колокольниковым (1785), «Опыт руководства к истории философии» (1818) И.И. Давыдова и «История философии» архимандрита Гавриила (Часть 1, 1837). Раскрывается формирование образа Сократа как культурного героя. В заключительной части статьи показывается, что поиски в 30-е годы XIX в. национальной русской философии приводят к формированию образа «русского Сократа». Русский народный философ Сковорода, представленный «русским Сократом», позволяет увидеть русскую самобытную философию в качестве подлинной наследницы греческого любомудрия.

Ключевые слова: Сократ, культурный герой, история философии, русская философия, Сковорода, «русский Сократ».

**SOCRATES AS A PHENOMENON OF
RUSSIAN CULTURE: FROM THE
ANCIENT GREEK MORALITY TEACHER
TO THE "RUSSIAN SOCRATES"**

Socrates has a special place in the spiritual history of mankind: the name of this ancient Greek thinker served as an indicator of the spiritual state of society. However, the Russian socratica has yet to be explored and comprehended. The focus of this article, one of the initial pages, the period of second half XVIII – first third XIX century the article deals with the first manual on the history of philosophy in Russian language. In particular, the article analyzes and compares the abbreviated translation of the history of philosophy by J. Brooker, made by Kolokolnikov (1785), "the experience of leadership to the history of philosophy" (1818). Davydov and "history of philosophy" of Archimandrite Gabriel (Part 1, 1837). The formation of the image of Socrates as a cultural hero is revealed. In the final part of the article it is shown that

* *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 18-011-00968 «Сократ: pro et contra. Миф о Сократе в отечественной и мировой культуре».*

Ирина Николаевна МОЧАЛОВА / Irina MOCHALOVA

| Сократ как феномен русской культуры: от древнегреческого нравоучителя к «русскому Сократу» / Socrates as a Phenomenon of Russian Culture: from the Ancient Greek Morality Teacher to the "Russian Socrates" |

the search in the 30s of the XIX century of the national Russian philosophy leads to the formation of the image of "Russian Socrates". Russian folk philosopher Skovoroda, represented by the "Russian Socrates", allows us to see the Russian original philosophy as the true heir of the Greek wisdom.

Сократ – ГЕРОЙ, ГЕНИЙ и СВЯТОЙ.

Ильин В.Н.

«Сократ и антропология самосознания»

Сократу принадлежит особое место в духовной истории человечества: имя этого древнегреческого мыслителя служило и служит индикатором духовного состояния общества. Обращение к Сократу – свидетельство интенсивных поисков ответов на самые значимые вопросы той или иной культуры, и, прежде всего, вопросы, связанные с поисками самобытных начал культуры, ее национальных особенностей и будущего развития.

Можно сказать, что Сократ уже при жизни стал героем историко-философской сцены: написанная Аристофаном и поставленная в Афинах в 423 г. до н.э. комедия «Облака» стала началом жизни героя по имени «Сократ». За Аристофаном последовали Поликрат, Антисфен, Эсхин, Платон, Ксенофонт и многие другие, запечатлевшие в своих текстах образ философа. Сократа презирали и презирают как пустого болтуна, его ненавидели и ненавидят как богохульника-язычника, Сократом восхищались и продолжают восхищаться, видя в нем христианина до Христа и философа, призванного спасти человечество. В конечном счете, споры о Сократе – это споры о филосо-

Key words: Socrates, Cultural Hero, History of Philosophy, Russian Philosophy, Skovoroda, "Russian Socrates".

фии, ее природе, роли и значении. Используя выражение Ницше, можно сравнить Сократа с «сильным увеличительным стеклом», позволяющим увидеть незаметные глазу частности и сделать очевидным главное, понять существенное.

Русская культура не является исключением: в отечественной традиции Сократ всегда был кем-то большим, чем исторической личностью, Сократом, сыном Софрониска из Алопеки, жившим в Афинах в V в. до н.э. Мы видим его героическую фигуру на живописных полотнах, в стихах поэтов, в творчестве писателей и философов, на сцене театров, на экранах кинозалов и мониторах компьютеров. В эпоху русского ренессанса рубежа XIX – XX вв. Сократ выступает незримым участником борьбы за «русский Логос» – споров о природе национальной философии; несмотря на мировоззренческие революции, Сократ сохраняет свой героический статус и в советской, и постсоветской культурах, олицетворяя на протяжении всей российской истории живое дело философии.

Богатство русской сократианы еще предстоит исследовать и осмыслить. В фокусе данной статьи одна из первых ее страниц, период второй половины XVIII – первой трети XIX в., время от появления Сократа на страни-

Ирина Николаевна МОЧАЛОВА / Irina MOCHALOVA

| Сократ как феномен русской культуры: от древнегреческого нравоучителя к «русскому Сократу» / Socrates as a Phenomenon of Russian Culture: from the Ancient Greek Morality Teacher to the "Russian Socrates" |

цах первых пособий по истории философии на русском языке до формирования образа «русского Сократа». Именно в этот период впервые ставится вопрос о самобытной национальной философии в России, формируется ее язык и определяются стратегии ее самоописания.

**Философия в ее истории:
из Европы в Россию**

Рост национального самосознания и профессионализация философии, ставшие в Европе особенно интенсивными во второй половине XVIII в., можно считать основными причинами критического пересмотра всего накопленного к этому времени исторического философского знания. Острая профессиональная конкуренция в университетах Франции и Германии приводит к осмыслению истории философии не только как специальной учебной дисциплины, но и как области философского знания, имеющей свой предмет, цели, задачи, терминологический аппарат, классификационные схемы и методологию. Одним из первых в Германии этот труд был выполнен Иоганном Якобом Бруккером (1696 – 1770), создавшим пятитомную «Критическую историю философии от сотворения мира до наших дней» (1742 – 1744), спустя четверть века переизданную (2-е изд., 1767) и сохранявшую свою актуальность в течение столетия. Автором первой истории философии на французском языке был Андре Франсуа Буро Деланд (1689/90–1757). Его трехтомная «Критическая история философии» (1637) должна была защитить философию от обвинений в бесполезности, показывая, что лишь невежество побуждает отвергать то, чего не понимают. Кроме того, Деланд выступил и в роли популяризи-

затора философии, написав в жанре античных доксографов популярное и многократно переиздаваемое сочинение «Размышления о великих людях, умерших при курьезных обстоятельствах» (1732).

Результатом развернувшейся, прежде всего в Германии, в конце XVIII в. дискуссии о философии, ее отношении к собственной истории и о статусе истории философии стало осознание необходимости создания принципиально новой истории философии, отличающейся от истории человеческого духа, истории отдельных наук, равно как и от биографий отдельных философов. По мнению одного из последователей Канта Карла Леонарда Рейнгольда, выступившего в 1791 г. с программной статьей «О понятии истории философии», опорой новой истории философии должно служить новое понятие философии, которое еще только предстояло создать и которое позволяло бы извлекать «философский смысл» из собрания исторических документов. Как показал В. Куренной, именно в рамках этих дискуссий возникает философия истории философии и формулируется «устойчивое противопоставление “философской”, методологически самостоятельной, и “нефилософской” истории философии»¹. Теперь авторы многочисленных историй философии не могут не определять своего понимания истории философии, предваряя изложение историко-философского материала теоретико-методологическим введением. В частности, такое введение, раскрывающее понятие, объем, метод, ценности истории

¹ Куренной В. Эмпирическая метафизика и исследовательская программа истории философии Эдуарда Целлера // Логос. Философско-литературный журнал. М., 2006. Т. 52. № 1. С. 89–102.

Ирина Николаевна МОЧАЛОВА / Irina MOCHALOVA

| Сократ как феномен русской культуры: от древнегреческого нравоучителя к «русскому Сократу» / Socrates as a Phenomenon of Russian Culture: from the Ancient Greek Morality Teacher to the "Russian Socrates" |

философии появляется в «Очерке истории философии» (1812) В. Г. Теннемана, автора одной из самых влиятельных и популярных «Историй философии» (11 томов выходили в период с 1798 по 1819 гг.). В обширном Введении в свою историю философии формулирует историко-философскую концепцию Гегель, по мнению которого история философии вне философского осмысления представляет лишь ряд мнений, заблуждений, проявлений игры мысли и эрудиции, а историки философии уподобляются животным, которые хотя и слышат звуки музыкального произведения, но не способны уловить их гармонию².

В России вторая половина XVIII века – время «просвещенного абсолютизма». Одной из значимых в деле европеизации России веж можно считать 1768 год. Именно с этого года по распоряжению Екатерины II официальным языком преподавания и науки становится русский язык. Это является мощным стимулом для переводческой деятельности, в том числе и в области истории философии. Первые истории философии на русском языке не были последним словом в историко-философской науке, ибо должны были выполнять прежде всего образовательные функции – служить учебными пособиями для разного рода учебных заведений. В частности, коллежский секретарь Кирилл Быстрицкий перевел для учащихся с латинского языка «Историю философическую, или о философии» Фридриха Генцкена³. В ней автор «ясно и кратко» описывал

«жизни славнейших философов», представлял «главнейшие их положения и последования сект великих». Рассчитанная на подростков, она не имела научной ценности, но все же служила введением в историю мысли. Значительно более влиятельным изданием стали переводы историко-философских штудий упомянутого выше Иоганна Якоба Бруккера. Необходимости в подробном знакомстве с историческим материалом, изложенным Бруккером в пяти томах, не было, потребности учащихся в этот период вполне удовлетворялись «Сокращенной историей философии от начала мира до нынешних времен». По сути, переводчик С. В. Колокольников представил краткий конспект, выполненный им с французского издания. С посвящением студентам Московского университета «Сокращенная история философии» была издана в Москве в 1785 г.⁴ Три года спустя был издан еще один конспект бруккерской истории философии «Критическая история философии, служащая руководством к прямому познанию ученой истории», выполненный Х. Вольфом и переведенный с немецкого Михаилом Гавриловым⁵. И хотя последний вариант был в два раза короче первого, он вполне соответствовал учебным целям. Безусловно, эти конспекты, как и сам оригинал, уже не отвечали последним требованиям историко-философской науки того времени. Их значение заключалось в другом. Эти краткие

² Гегель В.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. СПб.: Наука, 1992 (2006, 2-е изд.). С. 67.

³ Генцкений Фр. История философская, или о философии. СПб., 1781. 353 с.

⁴ Бруккер. Сокращенная история философии от начала мира до нынешних времен, которую с французского языка перевел С. В. Колокольников. М., 1785. 442 с.

⁵ Бруккер Иак. Критическая история философии, служащая руководством к прямому познанию ученой истории [Перевел Матвей Гаврилов]. М., 1788. (XII+226 с.).

Ирина Николаевна МОЧАЛОВА / Irina MOCHALOVA

| Сократ как феномен русской культуры: от древнегреческого нравоучителя к «русскому Сократу» / Socrates as a Phenomenon of Russian Culture: from the Ancient Greek Morality Teacher to the "Russian Socrates" |

конспекты закрепляли сложившиеся в Германии и Франции к середине XVIII в. классификационные модели истории мысли, задавали стратегии историко-философской работы, формировали оценочные клише и формы изложения материала на десятилетия вперед. Именно они становились образцом для подражания при составлении отечественных историй философии, большинство из которых можно назвать авторскими, только используя кавычки.

Сократ как культурный герой на российской историко-философской сцене

Обратимся к французско-русской интерпретации бруккерского образа Сократа, рассмотрев его в качестве некоего первоначального образца. Сократу в «Сокращенной истории философии» посвящено восемь неполных страниц⁶, что немало, если иметь в виду многовековую историю философии. Текст носит название «О сократовой школе», именно о «школе», а не о «секте», как называются киренская, мегарская и др. школы. Используя в названии термин «школа», автор подчеркивает значение Сократа, формально не имевшего школы (секты), но оказавшего огромное влияние на многих людей, а значит оставившего после себя учеников. В небольшом Введении дается оценка роли Сократа, которую он выполнял по воле «самого Провидения»: «показал он человекам некоторые лучи истины, могущие самым действительнейшим быть средством к совершенству и блаженству их». Ина-

че говоря, Сократ – это посланник Бога, посредник между богом и людьми; его миссия – помочь человеку достичь совершенства и блаженства. Выполнение миссии состоит в исправлении испорченных людских нравов. Превосходнейшие познания и скромность (знаменитое сократовское незнание описывается как проявление скромности) должны позволить герою данную миссию выполнить. Изложенная далее биография Сократа призвана конкретизировать героический образ. Жизнь Сократа – это подвиги: военные – Сократ показал «беспримерную храбрость», спасая Ксенофонта; гражданские – Сократ «с непреодолимой твердостью духа» противостоял намерениям тридцати тиранов. «Великие добродетели» Сократа – умеренность, правдолюбие, истинное благочестие (в той степени, в какой его может иметь язычник) – не могли не вызывать зависти и ненависти врагов – софистов. Их ложное обвинение стало причиной смерти великого философа. Однако вскоре после смерти Сократа «беззаконное ухищрение» было раскрыто и обвинители прокляты. «И ничто не равнялось горести тех печалей, которые оказываемы были о смерти его»⁷. Несмотря на смерть героя, правда восторжествовала: Сократ был оправдан и превращен в великого героя в народной памяти.

Теоретические заслуги Сократа, представленные отечественным интерпретатором Бруккера, выглядят значительно скромнее. Он рассматривается как основатель учения о нравах, понимающий истинное и единое благо как знание. Это было знание того, как правильно поступать, или иначе, делать добро, т.е. делать то, что полезно и справедливо. Это и означает,

⁷ Там же. С. 132.

⁶ Бруккер. Сокращенная история философии от начала мира до нынешних времен, которую с французского языка перевел С.В. Колокольников. М., 1785. С. 129–137.

Ирина Николаевна МОЧАЛОВА / Irina MOCHALOVA

| Сократ как феномен русской культуры: от древнегреческого нравоучителя к «русскому Сократу» / Socrates as a Phenomenon of Russian Culture: from the Ancient Greek Morality Teacher to the "Russian Socrates" |

по мнению брукеровского Сократа, быть добродетельным и мудрым. Мудрость, или добродетель, достигается через самонаучение («всегдашнее самого себя учение»). Два других учения Сократа – О Боге и о душе раскрываются тезисно и рисуют Сократа почти как христианского мыслителя.

Несколько удивляет последняя часть повествования о Сократе: в ней он неожиданно лишается своего героического статуса и уподобляется наставнику семинаристов, призывающего повиноваться божественным и отеческим законам, правильно употреблять богатство, обуздывать похоть и думать о правильном выборе будущей жены. Однако одежда не очень успешного школьного учителя не могла скрыть Сократа-героя, исполняющего волю Провидения.

Наступивший XIX век представил новых «Сократов», однако, несмотря на новации, статус философа как культурного героя остался прочно связанным с именем греческого мудреца. В качестве примера рассмотрим изданное в 1820 г. «для благородных воспитанников университетского пансиона» небольшое пособие по истории философии – «Опыт руководства к истории философии»⁸. Текст увидел свет раньше, ибо еще в 1818 г. был опубликован в трех номерах журнала «Вестник Европы»⁹ и сделался, таким образом, достоянием широкой публики. Автором истории философии был бывший выпускник отделения нравственных и политических наук университета,

знарок греческой и латинской словесности, любитель и ценитель математики, философ Иван Иванович Давыдов (1794–1863). В 1815 г. он защитил диссертацию на степень доктора словесных наук: «О преобразовании в науках, произведенном Бэконом», а через 5 лет получил должность профессора. С 1843 по 1847 гг. Давыдов был деканом Историко-филологического отделения философского факультета, что, вероятно, могло придавать дополнительный вес опубликованному в молодости пособию. Анализ других философских текстов Давыдова показывает, что его взгляды не претерпели существенных изменений.

Безусловно, можно согласиться с оценкой первых десятилетий XIX века, данной Густавом Шпетом в «Очерке развития русской философии»: «О философском национальном сознании до уваровской эпохи говорить не приходится. Первое десятилетие есть лишь более или менее твердое наведение изготовленных за границей прописей»¹⁰. В этом признавался и сам И.И. Давыдов, когда писал в предисловии к «Опыту», что при подготовке пособия он руководствовался получившей известность и популярной в России работой «Сравнительная история систем философии по отношению к принципам человеческих знаний» («Histoire comparée des systèmes de philosophie relativement aux principes des connaissances humaines»), главного труда французского филолога Ж.-М. Дежерандо (1772–1842). «В иных местах, – писал Давыдов

⁸ Давыдов И.И. Опыт руководства к истории философии, для благородных воспитанников университетского пансиона. М., 1820. 126 с.

⁹ Двдв. (Ив.Ив. Давыдов) Первые опыты философов // Вестник Европы. 1818, №5. С.36–56; №6. С.129–158; №7. С.183–191.

¹⁰ Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии / Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.: Очерки истории русской философии // Сост., вступ. Ст., примеч. Б.Б. Емельянова, К.Н. Любутина. Свердловск: Изд.-во Урал. Ун-та, 1991. С. 490.

Ирина Николаевна МОЧАЛОВА / Irina MOCHALOVA

| Сократ как феномен русской культуры: от древнегреческого нравоучителя к «русскому Сократу» / Socrates as a Phenomenon of Russian Culture: from the Ancient Greek Morality Teacher to the "Russian Socrates" |

в предисловии, – вменял я себе за честь переводить знаменитого философа; в других извлекал из него важные мысли». Давая обзор западных исследований по истории философии, Давыдов выделяет историю философии Дежерандо, по его мнению, «соединившего ученость и правильность Бруккера с глубокомыслием и проницательностью Кондилляка, и кроме того удержал чистоту и гибкость слова сочинителей Энциклопедии. Ни один автор не заставляет столько размышлять, не учит столько наблюдать и не заставляет столько любить Философию»¹¹. Однако в Предисловии И. И. Давыдов отмечает, что были предметы, в которых «осмеливался не соглашаться с великим писателем; он сам научил меня и н о г д а (разрядка автора – *И. М.*) сомневаться». В частности, Давыдов дополнил историю философии Дежерандо разделами Новой философии, закончив ее изложением взглядов Канта.

Сократ Давыдова открывает эпоху «блистательных успехов ума». Его появление «среди мрачных софистов» описывается как появление героя, призванного помочь самой истинной мудрости: «Сей твердый ум, предприимчивый, наблюдательный, возвышенный, пламеня рвением к благу общему, страстно любивший истину, составлявшую характер его, – сей чудесный философ древности дает философии новое основание, прочное, превосходное»¹². По мнению Давыдова, которое было вполне созвучным с идеями французских просветителей, новое основание философии со-

стоит в соединении теории с практикой, мыслей с поступками.

Заслуги Сократа выясняются через сопоставление с тем, что было до Сократа: прежние мудрецы пребывали в «мрачной области воображения», области некоего смутного знания, неверных системах и предложениях. Сократ извлек философию из мрачной области и очистил ее, возвратив чувствам права (их они были лишены у пифагорейцев) и подтвердив права разума – управлять чувствами и пользоваться пособием их. В контекст этого подвига Сократа Давыдов помещает и знаменитое сократовское «незнание», называя его «благоразумным сомнением», которое под руководством опыта служит приготовлением к мудрости, и познанием самого себя, которое Давыдов представляет как «первый источник науки».

По мнению Давыдова, Сократ даровал философии не только основание, но и методу. Сократический способ рассуждать в виде разговора, или иначе, как пишет Давыдов, использование анализа, дало новые права опытности, которую Сократ объявил руководительницей разума. Именно правильное созерцание, приводившее Сократа к познанию истины, и стало причиной смертного приговора. Смерть Сократа, по мысли Давыдова, – это «величественная смерть за мудрость – и сия смерть даровала ему бессмертие в памяти потомства».

Таким образом, если подвиг бруккеревского Сократа – это подвиг Учителя, нравственного наставника, то подвиг Сократа И. И. Давыдова – это подвиг Ученого. Сократ – герой-строитель нового здания самой ценной науки – философии. Во второй половине XIX в. оба образа Сократа найдут своих сторонни-

¹¹ Давыдов И. И. Опыт руководства к истории философии, для благородных воспитанников университетского пансиона. М., 1820. С. 16.

¹² Там же. С. 67.

Ирина Николаевна МОЧАЛОВА / Irina MOCHALOVA

| Сократ как феномен русской культуры: от древнегреческого нравоучителя к «русскому Сократу» / Socrates as a Phenomenon of Russian Culture: from the Ancient Greek Morality Teacher to the "Russian Socrates" |

ков: образ Сократа – философа науки, рационалиста и гносеолога будет разрабатываться неокантианцами; сторонники самобытной русской философии будут обращаться к Сократу как к учителю жизни, несущему свет открывшейся истины и дававшему ответы на экзистенциальные вопросы.

Одним из текстов, значимых для формирования русской сократианы, безусловно, является «История философии», принадлежащая перу архимандрита Гавриила (В. Н. Воскресенского, 1795–1868)¹³. Созданный им объемный труд (6 томов, имеющих сквозную нумерацию параграфов) представлял собой учебное пособие к курсу лекций по истории философии, которые в звании профессора архимандрит Гавриил в течение почти 15 лет, с 1837 по 1850 годы, читал в Казанском университете студентам разных курсов и разных специальностей¹⁴. Оценивая «Историю философию» архим. Гавриила надо помнить, что автор не был ни профессиональным историком философии, ни философом. Это был типичный «ученый монах» (арх. Гавриил был выпускником Московской духовной академии), как его называет В. В. Ванчугов, волею судьбы оказавшийся в Казанской университете, он со всей тщательностью исполнил порученное ему дело: начав с обзора зарубежных,

прежде всего, немецких изданий, он предложил собственную интерпретацию мировой философии, которая, по его мнению, есть ступень на пути разумного человека к религии, и потому достойна тщательного изучения.

С параграфа, посвященного Сократу (§ 21), архимандрит Гавриил начинает изложение второй эпохи греческой философии – от Сократа до конца борьбы Академии с Портиком¹⁵. Чтобы передать отношение автора к греческому мыслителю, приведу начало параграфа: «Жизнь и смерть Сократа представляют удивительное зрелище. Нельзя не удивляться в этом человеке силе духа и геройской преданности, с коими он для преобразования понятий и нравов своих современников посвятил все, что ему даровало небо, т.е. силы, ревность и разум; нельзя не дивиться твердости духа, с коей он шел к цели своей и без содрагания и сетования принял решение суда, определившего ему смерть в награду за его благородные усилия, по доносу стихотворца Мелита, софиста Анита и оратора Ликона, обвинявших его в не уважении языческих богов и разврате юношества. Между преобразователями не было такого, который бы решился со столь чистою совестью на борьбу и преобразование, который бы сражался с такими трудностями и опасностями»¹⁶. Перед нами, безусловно, культурный герой – «великий преобразователь», сильный духом бесстрашный воин, способный произвести «переворот в философии».

Архимандрит Гавриил описывает Сократа как обладателя необыкновенного ума,

¹³ Подр. об архимандрите Гаврииле см.: Ванчугов В. В. Первый историк русской философии: архимандрит Гавриил и его время. – М.: Мир философии. 2015. 752 с.

¹⁴ Первоначально «История философии» публиковалась в 1837–1839 гг. в Ученых записках императорского Казанского университета под названием «Понятие об истории философии». Затем текст был опубликован отдельным изданием: Архим. Гавриил [Воскресенский]. История философии. 6 частей. Казань. 1839–1840.

¹⁵ § 21. Сократ / Гавриил, архимандрит [Воскресенский]. История философии. Часть 1. Казань, 1839. С. 75–83.

¹⁶ Там же. С. 76.

Ирина Николаевна МОЧАЛОВА / Irina MOCHALOVA

| Сократ как феномен русской культуры: от древнегреческого нравоучителя к «русскому Сократу» / Socrates as a Phenomenon of Russian Culture: from the Ancient Greek Morality Teacher to the "Russian Socrates" |

удивительного здравого рассудка, живого и пылкого воображения. У него «правая и непоколебимая совесть», которую он понимает как внутреннего гения, как голос Бога. Именно голос Бога, по мнению архим. Гавриила, давал Сократу средства побеждать «коварных софистов», «торжествовать над лжемудрецами», побеждать «тщеславие, остроумие, корыстолюбие, народные предассудки», словом все, что мешало преобразовательной деятельности. Мы видим, что Гавриил не жалеет красок для создания портрета героического философа. И действительно, портрет Сократа удаётся, надолго оставаясь в памяти слушателей.

Трудности у архим. Гавриила возникают тогда, когда надо изложить философское учение Сократа и показать его значение. Стремясь быть кратким, не входя в историко-философские тонкости, он в трех пунктах формулирует вклад Сократа в философию: 1. Сократ искоренял причины заблуждений предшествующей, ионийской и элеатской философии. 2. Побуждал ум человеческий быть внимательным ко внушениям совести, т.е. голосу Бога, что вполне согласовывалось со взглядами самого богослова. 3. Определял способ, каким ум должен руководствоваться в познании. Этот пункт арх. Гавриил поясняет: главное достоинство науки (=философии) – способность приносить пользу. Философия не должна руководствоваться ни «пустым и неопределенным любопытством» ранних философов, ни корыстолюбием софистов. Умозрения философии должны основываться на опыте. Как согласовывались последние два пункта, остается неясным; так же из краткого изложения трудно понять, что Сократ понимал под методом: это и утверждение в качестве осно-

вания философии познания человеческой природы, и сократические беседы.

Этическое учение Сократа, никак не связывая его с предыдущим изложением взглядов античного философа, архим. Гавриил представляет в изложении В.-Г. Теннемана, «Историю философии» которого он знал и использовал при подготовке своих лекций. В результате текст об учении Сократа получается малопонятным и логически плохо обоснованным, но это и не являются целью автора. Его задача передать дух мыслителя, а не его систему, ибо, как писал Гавриил, «система не есть философия; система есть частная оболочка или одежда философии, в своем устройстве совершенно зависящая от личности мыслителя философа, являющаяся и мгновенно исчезающая, столь же мало и шатко выражающая дух философии, сколь мало Иван, Петр, Федор изображают идею человечества»¹⁷. В оригинальных своих частях изложение архимандрита Гавриила больше походит на эпическое сказание, а сам Сократ предстает эпическим героем – великим преобразователем философии, все минуты жизни которого «посвящены благу человечества».

**Сократ в России больше, чем Сократ:
проект «русского Сократа»**

Провозглашенная в 1833 г. новым министром просвещения С. С. Уваровым триада «самодержавие, православие народность» определила не только основной вектор развития философии в России, состоящий в поисках ее самобытных начал и народных истоков, но и понимание истории философской мысли. Те-

¹⁷ Гавриил, архимандрит [Воскресенский]. История философии. Часть 6. Казань, 1840. С. 25–26.

Ирина Николаевна МОЧАЛОВА / Irina MOCHALOVA

| Сократ как феномен русской культуры: от древнегреческого нравоучителя к «русскому Сократу» / Socrates as a Phenomenon of Russian Culture: from the Ancient Greek Morality Teacher to the "Russian Socrates" |

перь задача состояла в том, чтобы не только изложить историю западной философской традиции, но и найти в ней место русской философии; показать ее в качестве продолжающей лучшее из того, что было сделано ранее.

Одним из тех, кто включился в реализацию такой задачи, был Василий Николаевич Карпов (1798–1867). Свое предисловие к переводу «Истории философии древних времен» Генриха Риттера Карпов начинает с констатации состояния философии в России. Отметив значительные успехи по всем отраслям наук, он вынужден констатировать, что «только философии нет, или почти нет в России; эта наука у нас еще не получила организации, но дробиться в бесконечном множестве мыслей разнохарактерных и разноценных, разъясненных отрывочно в нашей литературе, или изредка украшающих беседу людей образованных»¹⁸. Первым шагом к созданию национальной философии должно стать изучение философского опыта прошлых поколений: нужно «исследовать философию человеческого ума вообще, в вековых ее развитиях, и тогда сама собою определится точка его стояния и будет видно, чем кончилось время прошедшее и чего можно желать, искать и надеяться в будущем. И тогда к генеалогическому дереву философии, пережившему столько тысячелетий, Россия привьет свое народное воспитание, свой нравственный характер, свой образ мыслей и произведет философию оригинальную»¹⁹. Нельзя не отметить заслуг самого Карпова в деле создания условий для возникновения оригинальной оте-

чественной философии, и прежде всего, его огромный труд по переводу всего платоновского корпуса на русский язык. Однако, как сам Карпов неоднократно подчеркивал, плоды иноземных растений, поддерживаемые искусственной почвой и теплотой, «нежны, но непрочны, свежи, но без жизни». «Наши науки, – уверен был Карпов, – только тогда могут делаться собственно нашими, когда будут проявляться в оригинально-русской теории; а теория – какой бы ни был предмет ее исследований – только тогда получит у нас характер истинно русский, когда будет проистекать из оригинально-русской философии»²⁰.

Опыт по прививке к древнему дереву философии ветви русской культуры осуществил не философ и богослов, а писатель и филолог, историк и собиратель бессарабского фольклера – Александр Фаддеевич Хиждеу (1811–1872). Увлеченный историей народного творчества и уверенный в том, что «Рака, в коей почивают мощи старого времени, есть колыбель нового», свою задачу Хиждеу увидел в том, чтобы «найти средство оживить минувшие века знания так, чтобы они, подобно гениальным учителям, действовали на нас, возбуждая и вместе укрепляя»²¹. Таким учителем, пробуждающим сродные ему дремлющие силы и возбуждающим их к свободе самосознания, для молодого студента юридического факультета Харьковского университета стал Григорий

²⁰ Карпов В.Н. Введение в философию // В. Н. Карпов. Избранное. СПб., 2004. 181 с.

²¹ Хиждеу А. Григорий Варсава Скворода: историко-критический очерк. Отрывок первый. // Телескоп. Журнал современного просвещения, издаваемый Николаем Надеждиным. М., 1835. Часть XXVI. С. 5.

¹⁸ Риттер Г. История философии древних времен / Пер. с нем, Ч.1, СПб., 1839. (XXIV+584 с.). Пер. и предисл. В.Н. Карпова. С. III.

¹⁹ Там же. С. IV.

Ирина Николаевна МОЧАЛОВА / Irina MOCHALOVA

| Сократ как феномен русской культуры: от древнегреческого нравоучителя к «русскому Сократу» / Socrates as a Phenomenon of Russian Culture: from the Ancient Greek Morality Teacher to the "Russian Socrates" |

Саввич Сковорода (1722–1794)²². В этом само-бытном проповеднике, философе и учителе Александр увидел подлинного наследника древнегреческого мудреца – Сократа. В «Одесский вестнике» в 1833 году (№ 37) начинающий исследователь творчества Сковороды публикует очерк «Сократ и Сковорода», где показывает сходство двух мыслителей. Спустя два года уже в столичном «Телескопе» публикуется первый из серии задуманных очерков о «русском Сократе»: «Григорий Варсава Сковорода: историко-критический очерк. Отрывок первый. Общее основное понятие о Сковороде, объясненное из его собственного сознания». Прежде чем приступить к изложению взглядов Сковороды, А. Ф. Хиждеу формулирует собственное понимание истории мысли, сравнивая ее с рекой. Он уверен, что «река, как бы далеко не ушла от своего родника, и сколько бы ни приняла различных изворотов в своем течении, сколько бы ни сочетала с собою чужих токов: но в водах своего устья, она катит воды своего родника»²³. Таким образом, для Хиждеу русская мысль оказывалась в общем течении мировой мысли, у истоков которой он видел могучую фигуру «греческого народного мыслителя» Сократа. Его подлинным наследником, по мнению Хиждеу, был не Ломоносов с его духом европеизма, а Сковорода – этот подлинный выразитель духа русского народа. Сравнивая двух мыслителей, Хиждеу писал: «И Сократ и Сковорода чувствовали в себе призвание свыше быть наставленниками наро-

да. Вняв оному, они стали народными учителями... Живое чувство долга, как требование совести развитое в бытии и силу, составляло у Сократа его Демониона, а у Сковороды его Минерву, которая примеряла поступки и целое житие его с высшим чином вещей или духовным откровением природы»²⁴. Вклад Хиждеу в изучение творчества Сковороды можно оценивать по-разному, но именно он подарил русской культуре своего, русского, Сократа.

Николай Иванович Надеждин, опубликовавший на страницах «Телескопа» Очерк А. Хиждеу, не мог оставить его без внимания: вокруг «русского Сократа» и с его помощью начинается процесс конструирования русской национальной философии. Именно слова «русского Сократа» – Сковороды – избирает Н. И. Надеждин в качестве эпиграфа для своей программной статьи «Европеизм и народность, в отношении к русской словесности», публикуемой им в первых двух номерах следующего, 1836 года. Обращением к «русскому народному мыслителю» – Сковороде – Надеждин заканчивает статью. Не упоминая имени А. Хиждеу, он цитирует Сковороду: «Всяк должен узнать свой народ и в народе себя. Русь ли ты?... Всякое дело спеет собою, и наука спеет собою. Клубок сам собою покатится с горы, отними только ему препятствующий претыкания камень. Не учи его катиться, а только пособляй!.. Русь нерусская видится мне диковинкою, как если бы родился человек с рыбьим хвостом или с собачьею головою!»²⁵.

²² О восприятии Сковороды и рецепции его философии подр. см.: Марченко О.В. Григорий Сковорода и русская философская мысль XIX – XX вв. М., 2007. 276 с.

²³ Там же. С. 7.

²⁴ Там же. С. 21.

²⁵ Надеждин Н.И. Европеизм и народность, в отношении к русской словесности // Телескоп. Журнал современного просвещения, издаваемый Нико-

Ирина Николаевна МОЧАЛОВА / Irina MOCHALOVA

| Сократ как феномен русской культуры: от древнегреческого нравоучителя к «русскому Сократу» / Socrates as a Phenomenon of Russian Culture: from the Ancient Greek Morality Teacher to the "Russian Socrates" |

Появление публикации о Сковороде на страницах «Телескопа» в качестве значимого и знакового оценил Андрей Александрович Краевский (1810–1889), в то время помощник редактора «Журнала Министерства народного просвещения». В «Обзрении русских газет и журналов за первую половину 1835 года» он подробно излагает Очерк Хиждеу, специально останавливаясь на сравнении Сократа и Сковороды. По мнению Краевского, «Сковорода принадлежит к числу людей самых необыкновенных; у нас он едва ли не первый (и не единственный) умел языком простонародным выражать самые высокие истины и сливать идеи философии с словами Св. Писания»²⁶. В описании Хиждеу-Краевского Сковорода, как и Сократ, – это народный герой. Он принимает на себя заботу о духовной жизни народа и возвращает русскую народную философию. «В Сковороде мы почти безошибочно можем видеть росток Русской народной Философии»²⁷, – пишет А. Краевский, – росток, к сожалению, до сих пор остающийся без дальнейшего развития и проявления»²⁸. По мнению Краевского, «никогда время столь не благоприятствова-

лаем Надеждиным. М., 1836. Часть XXXI. № 2. С. 264.

²⁶ Краевский А. Обзорение русских газет и журналов за первую половину 1835 года. Философия // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб., 1836. Ч. IX. С. 670.

²⁷ Ср.: Ф. С. Надежин в своем изложении истории западной философии отмечает, что в России имеется «росток русской народной философии, «русский Сократ» – Григорий Сковорода»: Надежин Ф. С. Опыт истории философии по Рейнгольду. СПб., 1837. С. 237–238.

²⁸ Краевский А. Обзорение русских газет и журналов за первую половину 1835 года. Философия // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб., 1836. Ч. IX. С. 671.

ло появлению творений оригинального русского мыслителя: теперь более чем когда-либо вкус направлен к своему, к народному»²⁹.

Потребовалось еще три с лишним года, чтобы «росток» дал всходы: у русской философии в 1839 г. появляется своя история. Ее создателем стал архимандрит Гавриил, дополнивший свою четырехтомную историю западной философии двумя прибавлениями: в первом рассматривалась восточная философия, второе было посвящено философии русской (§§ 138–166). Второе дополнение вышло сначала в Ученых Записках Казанского университета (1839 г.), а затем, чуть позднее, отдельным изданием: «История философии. Ч. 6: Русская философия»³⁰. Не ставя перед собой задачи анализировать и оценивать труд Гавриила, отметим лишь один, важный в рамках темы статьи, факт – именно архимандрит Гавриил был первым, кто нашел «русскому Сократу» – Сковороде – место в русской философии, посвятив ему § 154 своей Истории русской философии. И хотя историю русского любомудрия Гавриил не начинает с «русского Сократа», а сам семнадцатистраничный текст о Сковороде заимствован автором «Русской философии» из «Очерка» А. Хиждеу, архимандрит Гавриил выполнил главное – он поместил Сократа на страницы русской философии, тем самым сделал его не только героем западной философии, но и героем философии русской, выступающей в этом случае подлинной наследницей греческого любомудрия.

²⁹ Там же. С. 676.

³⁰ Гавриил, архимандрит [Воскресенский]. История философии. Часть 6. Казань, 1840.

